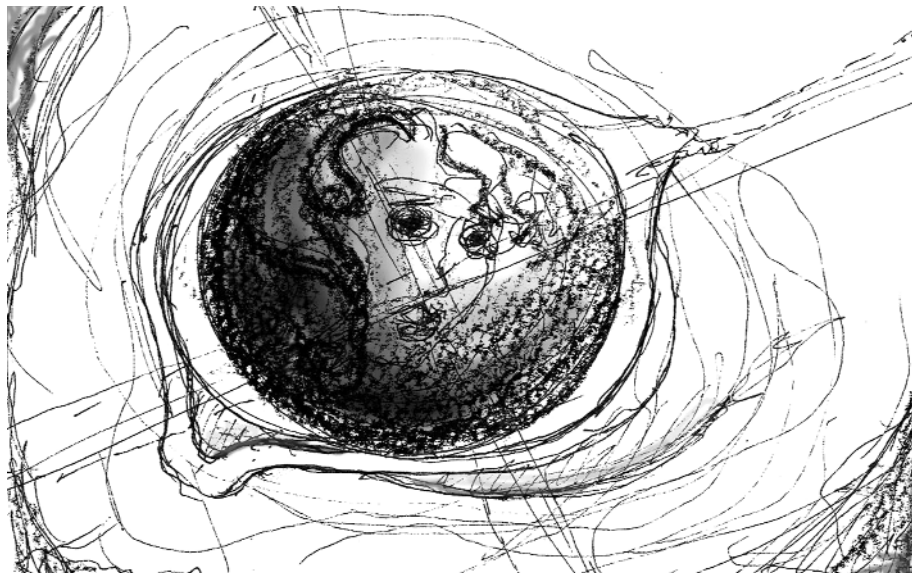

Владимир Бычков

Здесь водятся оборотни

Почти все время, пока они добирались от местного космопорта до базы, Алешка, не отрываясь, смотрел в иллюминатор глайдера.

С одной стороны — это было крайне интересно, так как он еще ни разу за свои четырнадцать лет не был ни на одной планете кроме Земли. И хотя Земля уже давно превращена в огромный национальный парк, вмещающий в себя множество растительных и животных культур, часть которых завезена с колонизированных планет, причем не отдельными особями, а целыми системами биоценоза, — все равно, местные пейзажи были притягательно интересными, хотя бы потому, что они были неземными. Эта вечная борьба между природным и искусственным, даже если различие между ними просматривается не наяву, а в человеческом сознании. С другой стороны — он элементарно дулся на родителей. Его отца, биоэволюциониста по профессии, пригласили на эту планету в связи с тем, что кто-то случайно обнаружил резкое отклонение эволюции живых существ от традиционно принятых схем. Вот так: жили себе жили, работали, работали — и вдруг установили, что отсутствие крупных животных форм жизни не обеспечивает замкнутости систем биоценоза. А также наблюдается полное отсутствие систем биоценоза как таковых, что чревато нарушением законов термодинамики для биоструктур.

Тут они решили, что им срочно необходим биоэволюционист, быстренько соблазнили отца возможностями скорейшего получения блестящих научных результатов, и он, конечно, сорвался, побросав все, что было на Земле. Да еще всю семью с собой прихватил. Ну, ладно бы, маму. Она художник, ей все равно: где и что рисовать — были бы мольберт, кисти и краски. Может быть, ей даже лучше здесь будет. Глядишь: вдохновение нападет и какую-нибудь «нетленку» состряпает. Но зачем нужно было тащить его? Не то чтобы он очень расстроился из-за того, что пришлось покинуть свой интернат. Хотя школа у них — что надо! Другой такой за сто мегапарсеков не сыщешь. Тут, конечно, можно спорить, но уж таких друзей как Сашка и Пашка, такой девчонки, как Галя — точно нигде не найдешь! Вот его то точно можно было оставить на Земле до окончания интерната.

Ему вдруг стало так грустно, что проплывающий под ними в тридцати метрах пейзаж расплылся, как в густом тяжелом тумане. Все произошло так неожиданно. Воспитатель вызвал его прямо из зала с занятий балными танцами, назвал код нуль-Т и сказал, что ему нужно немедленно отправляться туда на встречу с родителями. Он тогда чего-то испугался, как будто с ними что-то могло случиться, и опрометью ринулся в кабину нуль-Т. И только краем глаза заметил, как из дверей зала показалась тоненькая фигурка в черном платье и словно застыла в ожидании.

Кто задумал эту интермедию — он так и не узнал. А потом было все очень просто. Его личные вещи были уже упакованы, время отправления рейса неумолимо приближалось, но ни на какие просьбы и уговоры отец так и не поддался. Воспитатель, конечно, все объяснил друзьям, и они наверняка поверили, что так и должно быть, но как ему оправдаться перед самим собой за то, что даже не попрощался с ними?

С тех пор, как родители сказали, что он должен лететь с ними на эту дурацкую планету, он объявил бойкот на все виды деятельного общения и теперь хранил мужественное молчание. Правда, был один момент, когда все едва не пошло прахом: после того, как он услышал имя планеты — Миляшка! Как у кошки. Он не удержался и прыснул со смеху. Но моментально поправился и вернул себе неприступный вид. А отец сразу же расхорохорился, начал объяснять, что планета имеет название Милешко, а вовсе не Миляшка, как ее называют недалекие люди, у которых вообще ничего святого нет. А Милешко — это прославленный звездолетчик, в честь которого и названа открытая им планета. Как будто он сам прослужил сто лет в десантном отряде.

Космодром на Миляшке располагался, как и везде, в степной зоне. В общих чертах, Миляшка сильно напоминала Землю: те же степи, лесостепи, крупные лесные массивы, без учета искусственных ландшафтов; несколько тектонических плит, при движении которых в разломах коры кипела бурная тектоническая жизнь. Правда, пустынь на Миляшке не было ни одной. Может быть, потому, что кругооборот воды на планете был какой-то ненормальный: ежедневно над каждым участком суши примерно в течение одного часа шел дождь, да не ка-

кой-нибудь, а проливной, выплескивающий уйму воды. В результате этого растительность на Миляшке была богатейшей. Так в степи, на которой располагался космодром, высота трав в период всплеска растительности, равнозначному земной весне, достигала трех метров, а выстреливающие вверх плодоножки с плодами, еще выше. В связи с чем, пеносинтобетонное покрытие ежегодно перестилалось заново. Хотя на Марсе такое же полотно космодрома сохранялось неповрежденным в течение двадцати лет усиленной эксплуатации.

Сезона, подобного зиме, с резким снижением температуры и изменением физического состояния осадков на Миляшке не было, но цикличность развития растительного мира существовала. Через определенный период времени трава желтела, скукоживалась и, будто обессилившее животное, ложилась на основание. А потом цикл повторялся: сквозь старую траву пробивались ростки новой, а та становилась пищей для насекомых и мелких животных и перегноет для молодых порослей. Прямо над ними через густой непроницаемый черный лес светлой широкой полосой петляла обычная автомобильная дорога, и глайдер, мотаясь из стороны в сторону, следовал ее изгибам, будто привязанный. Вообще, автомобильный транспорт, как неэкономичный, давно изжил себя, хотя оставались отдельные условия его применения, и Алешка проходил это в школе. Но объяснение было слишком упрощенное, и возникший вопрос начал зудеть в голове. Какое-то время он терпел, выполняя данный себе обет, а потом, решив, что обращение к постороннему не является нарушением принятого обещания, спросил, обращаясь к сопровождающему:

— Скажите, пожалуйста, для чего понадобилась эта дорога?

— Для оптимизации транспортных потоков, — сразу, будто прорвав стену молчания, откликнулся сопровождающий их местный сотрудник станции. — Завод по изготовлению строительных материалов был установлен рядом с территорией космодрома, а строительные конструкции ввиду их громоздкости и массивности перевозили наземным транспортом на все станции. Потому что воздушный транспорт для выполнения той же работы был бы гораздо более массивным и энергоемким...

— А куда делся этот завод сейчас? Он, что, больше не нужен? — перебил его Алешка.

— Ну почему же? Завод функционирует по-прежнему. Только все оборудование перевели в специально подготовленные помещения на глубине двадцати метров. С целью сохранения ландшафта.

— А почему глайдер летит точно над дорогой? — не унимался Алешка, — Ему, что, в воздухе что-то мешает?

— Нет, конечно, — усмехнулся сопровождающий, — Просто на Миляшке очень нестабильные геомагнитные поля. Термин, конечно, перенесен с Земли, — пояснил он, предупреждая очередной вопрос, — А потому навигационные приборы либо очень сложны, либо неточны — вот мы и стелемся вдоль дороги. Но это, конечно, только при незначительных расстояниях.

— А разве нельзя подняться в высоту и оттуда все увидеть своими глазами? — удивился отсутствию такого простого способа Алешка.

— От этого мы почти сразу отказались из-за возникновения устойчивых оптических миражей. Беда еще в том, что и акустическая, и радиолокация воспринимают миражные образования, как реальные объекты. На планете очень много тайн, а нас слишком мало, — виновато пояснил он.

— Существует мнение, — это подключился к разговору отец, — что миражные образования являются, хотя и необычными, но биоструктурами. Это очень интересные объекты для научных исследований. Совершенно неожиданное соединение биологии и физики. Причем после стольких лет успешного существования биофизики, как науки. Я бы очень хотел, чтобы ты уже начал специализироваться в этой области, тогда я бы мог... — отец растерянно оборвал предложение, видя что Алешка уперся лбом в иллюминатор, всем своим видом показывая нежелание участвовать в продолжении разговора.

Сопровождающий недовольно зыркнул в сторону Алешки, но промолчал. Отец первое время поглядывал на Алешку, словно желая что-то сказать, и тоже не решился. Алешка вначале действительно лишь изображал наблюдение за пролетающими под ними пейзажами, а на самом деле, кося глазом, наблюдал за всеми понемножку.

Маме все было безразлично. Она просто дремала и даже не прислушивалась к их разговору. Сопровождающий был увлечен диалогом с бортовым компьютером. И лишь отец, явно переживая, ерзал в кресле. Так тебе и надо — предатель, позлорадствовал про себя Алешка. Еще он подумал, что теперь вообще не произнесет в их адрес ни слова. Пусть помучаются. Чтобы знали. Хотя мать здесь, скорее всего, ни при чем. Она у них натура творческая, вдохновляющаяся. Ценит собственную свободу и, поэтому, на чужую свободу не посягает. Она, наверно, и не знает, что произошло. Это все отец! Готовый ради своих стыковок биологии с физикой на что угодно. Идущий напролом через чужую свободу. Нет, не так: хитро, по-иезуитски, обманывающий несогласных с ним.

Алешка еще какое-то время мысленно повоевал с отцом, но очень быстро его воинственный пыл угас. А он по-настоящему увлекся наблюдением за природой Миляшки.

Повсюду, куда достигал его взгляд, сплошной стеной стояли местные деревья, напоминавшие среднерусские ели. Такие же островерхие, темно-зеленые, с такими же спадающими по спирали рядами веток, словно оборки на юбке. Только в отличие от земной ели ветки у них не разрозненные, а сросшиеся между собой, из-за чего игольчатая поверхность сверху кажется сплошной, хотя и пупырчатой.

Ничто, кроме вызывающе искусственной, бросающейся в глаза ухабами и колдобинами, дороги не нарушало целостности лесного массива. Не видно было даже ручьев, пробирающихся глубоко внизу между могучими корнями, торопливо скользящих в неизвестную даль. Алешка вдруг подумал, что должны где-то быть крупные массивы во-

ды: реки, озера, моря. Иначе, откуда берутся эти огромные потоки воды, низвергающиеся с неба, но спросить об этом не решился, не желая создавать очередной прецедент для разговора.

Тогда он стал всматриваться в изредка мелькающие просветы между деревьями, ожидая увидеть голубую, как небо, поверхность воды. Однако просветов не было, была такая же темнота, с которой сливались нижние оборки псевдоелей. И как Алешка ни пытался разглядеть в этой темноте, хоть какие-нибудь детали — ему это никак не удавалось. Он так увлекся своим занятием, что мелькнувшая перед иллюминатором огромная черная тень испугала его и заставила резко отшатнуться.

— Какая страшная птица! — воскликнула внезапно, будто специально к этому случаю проснувшаяся, мама. — Кто это?

— Это гарпия! — в один голос ответили папа и сопровождающий. Они переглянулись, папа смутился и дальше продолжил один сопровождающий. — Единственный крупный представитель фауны Миляшки. Они совершенно безобидны, хотя и несравненно безобразны. С помощью увеличительных приборов можно разглядеть огромный прямой клюв и мелкие глазки. А учитывая ее размеры: высота в сидячем или, может быть, стоячем положении, я не могу более точно охарактеризовать неподвижное положение птицы — больше одного метра, размах крыльев в полете — более полутора метров. Они вызывают не просто отвращение, но еще и страх, хотя случаев нападения на людей не наблюдалось.

Он промолчал некоторое время, словно раздумывая, стоит ли сообщать это информацию собеседникам, и продолжил,

— Среди старожилых про этих птичек ходит интересная легенда: если ее убить, то первые полчаса после смерти она принимает облик безобразной старухи. Знаете, на Земле в языческие времена таких птиц называли ведьмами. А потом, остывая, гарпия вновь превращается в птицу.

— Красивая легенда, — задумчиво произнесла мама. — Но крайне жестокая. Неужели среди поселенцев находятся бессердечные охотники, способные расстрелять безобидную, хотя и безобразную птицу?

— Нет, конечно! Да ее и убить-то почти невозможно. Ее оперение идеально отражает луч бластера. Единственно слабое место — глаз, но у нее несравненная реакция: она успевает заметить момент выстрела по характерным движениям человека и закрывает глаза жесткой роговицей, также отражающей луч бластера. Это информация идет от первопроходцев планеты, а среди нас на гарпий никто не охотился.

— Но как же она отражает оптические лучи, если она совершенно черная? Это же противоречит законам физики? — не выдержал, удивившись, Алешка.

— Не все так просто в окружающем нас мире! — назидательно произнес сопровождающий, — Нельзя безоглядно распространять законы физики с одного объекта на другой. Физики считают, что поверхностный слой оперения и роговых складок, закрывающий глаза гарпий, на

самом деле прозрачный, но не простой — а быстро поляризующийся. Только не в оптическом, а в электрическом смысле. Да еще в зависимости от интенсивности светового потока. Тонкий слой вещества, поглощая фотоны даже очень мощного лазерного луча, приходит в колебательное движение на атомарном уровне и, переизлучая фотоны, рассеивает оптический луч в пространстве. А вот почему, хотя бы часть энергии излучения не проникает в тело самой птицы — это загадка. Ну вот, может быть, ты ее и разгадаешь.

— Меня интересуют совсем другие проблемы! — гордо ответил Алешка.

— Вот даже как!? — уважительно посмотрел на него сопровождающий. — И какие же?

— Ну-у... — протянул Алешка и замолк.

Это, конечно же, не означало, что у него не было никаких интересов. Интересы были, да еще какие! Вот только сформулировать их содержание ему как-то сразу не удавалось.

Как можно было объяснить другим людям, что он не раз представлял себя доном Руматой Эсторским вместе с бароном Пампой крушащим серых штурмовиков дона Рэбы? Нет, сказать об этом, конечно, было бы можно. Но как ответить на удивленные взгляды окружающих, в глазах которых будет однозначно читаться вопрос: неужели он не знает истории собственного народа? Никогда не слышал о том, что после известного решения Всемирного Совета Институту Экспериментальной Истории было раз и навсегда запрещено вмешиваться в процессы, происходящие на планетах с разумной жизнью, отстающей по уровню развития от цивилизации человечества Земли. Даже проводить бесконтактные исследования. И вообще, общение с инопланетным разумом было разрешено только после обмена между цивилизациями посольскими миссиями. И что после этого решения цивилизация голованов навсегда отказалась поддерживать какое-либо общение с землянами. Интерес к работам Института вскоре резко упал, и он быстро растворился в среде себе подобных, а вместе с ним ушла в историю и романтика Руматы Эсторского.

Конечно, он все это хорошо знает. Просто не может не знать. Он получил высшую оценку на олимпиаде в прошлом году как раз по истории Арканара. Но как объяснить, что именно для него — подвиги Руматы Эсторского были, есть и останутся навсегда в будущем идеалом возрождения человеческого в нечеловеческих условиях. И что бы там ни решал Всемирный Совет, для него борьба за идеалы человечества с невежественными античеловечными режимами на планетах с развивающейся разумной жизнью является целью жизни.

— Ой! Смотрите! Вот она опять! — закричала мама и едва не прыгала в кресле от радости.

Ох, уж, эти женщины, хмыкнул про себя Алешка. Птичку увидят, а радости — будто мимо них трансгалактический лайнер с инопланетянами пролетел.

— Нет, это уже другая. Ей за нами ни за что не угнаться, — уверенно заключил сопровождающий.

Казалось бы: какое ему дело до этой несуразной птицы? Так нет же: его так и тянуло посмотреть на нее. Аж нос об иллюминатор расплющил. Так бы, наверное, и водил носом по стеклу, если бы сопровождающий не посоветовал воспользоваться системой наружного наблюдения. Алешка даже покраснел, когда услышал об этом. Действительно: дикость какая-то пялиться в иллюминатор, когда есть самонаводящаяся система наружного наблюдения с неограниченным увеличением. Хоть звезды рассматривай. Конечно, он немножко слукавил — ограничение по увеличению, несомненно, было, но наверняка не менее пятидесятикратного.

Он быстренько ввел задание и уставился в экран тивипласта. Первое мгновение, пока компьютер отыскивал объект наблюдения, на экране мелькали те же самые конусообразные кроны деревьев, что и за иллюминатором. Потом экран показал искомую птичку на дальнем плане и быстро-быстро приблизил ее. С экрана в салон глайдера царственно смотрело громадное крючконосое существо с черными бусинками глаз, отделяющимися от остального тела узкими радужно-белыми кольцами. Это длилось какое-то мгновение. Алешке показалось, что он заглянул куда-то вглубь зрачка этой странной птицы. Потом произошло нечто совершенно непонятное. Зрачок неожиданно расширился до границ экрана, и на экране образовалась совершенно иная картина. Алешка уже хотел обратиться к сопровождающему, чтобы он продиагностировал систему — хоть это и увеличительный прибор, но все же не микроскоп. Как вдруг, в изображении на экране его привлекли какие-то очень близкие ему черты. И тут он понял, что на самом деле он смотрит не на экран, а куда-то мимо или сквозь него. Уже сама эта мысль заставила его сконцентрировать внимание на экране, и он увидел на нем Галю. То же милое, чуть одутловатое лицо, обрамленное черными смоляными волосами, пронзительно черными, под цвет волос, расширенными зрачками и ярко красными пухлыми губами. Такое лицо было у нее в тот последний день. Она была очень далеко, но он не сомневался, что она смотрела именно так: пронзительно и вопрошающе.

— Какой у нее страшный взгляд! — откуда-то сбоку раздался испуганный мамин голос.

Это же Галя! Как же у нее может быть страшный взгляд, хотел сказать Алешка и он уже отвернулся от экрана, но в этот момент внутренний толчок заставил его вновь обратиться к нему. Он посмотрел и к ужасу своему увидел не Галю, а эту страшную птицу, да и то со спины: она улетала в противоположную сторону и видеосистема сократила увеличение, чтобы была видна вся птица целиком, а не ее зловеще черный затылок.

Происшедшее всколыхнуло в Алешке самые тяжелые переживания, притупившиеся было от избытка новых ощущений, и остаток пути он промолчал, горестно размышляя о постигших его неудачах.

Встречали их все обитатели станции: высокий полноватый мужчина с венчиком волос вокруг головы и большими оттопыренными ушами, прозрачными, как крылья стрекозы, полная среднего роста женщина с круглым лицом, собранными на затылке гладкими волосами и добрыми глазами, с разбегающимися из уголков лучиками морщин, длинный дылда, примерно его возраста, с лошадиной физиономией и болтающимися, словно пришитыми, руками и андроид — высокий стройный мужчина с соломенными волосами и не мигающими голубыми глазами. Ко всем прочим особенностям, оказалось, что они являются одной семьей. За исключением робота, конечно. Их сопровождающий улетел назад, выйдя из глайдера всего на несколько минут. Он оказался не с этой станции.

Ну и семейка, подумал Алешка, оглядев новых знакомых. Он старался держаться в стороне. В отличие от папашки. Тот сразу кинулся лобызаться со всеми, причем начал с андроида, очевидно, приняв его за начальника станции. Алешка прыснул в кулачок, но постарался, чтобы этого никто не заметил. Мама, конечно, тоже окунулась в самую гущу событий и закудахтала там, делясь впечатлениями об увиденном в дороге.

Небо было неправдоподобно синим, так что оставалось совсем неясным, из чего все-таки лил проливной дождь. Должен же быть какой-то материальный носитель влаги? А эта кошмарная высокоскоростная впитываемость влаги? Когда в считанные секунды метры выпавшей воды, как сквозь сито, уходят с поверхности внутрь планеты, и там подземными реками стекаются в подземные океаны. Стоп!? А как же испарение? Не могут же они испаряться прямо из-под земли? Дела...

— Юрок! — легкий толчок в плечо вывел Алешку из состояния задумчивости.

Но не успел он осознать, что от него требуется, как его собеседник продолжил:

— Здорово, что тебя привезли сюда! — жизнерадостный дылда уже пялил глаза сверху вниз, прямо на Алексея. — Теперь мы вдвоем проживем! — он как-то даже виновато улыбнулся Алексею, как будто чувствовал свою вину за то, что тот оказался на их проклятой Миляшке. — А то одному как-то скучно. Родителям всегда некогда, а роботы уже достали. Я их кислых менторских физиономий в упор видеть не могу.

— И много их у вас? — чтобы только не молчать, спросил Алешка.

Все складывалось хуже некуда: с ребятами разлучили, а здесь придется терпеть этого надоедливового напарника. И ведь скрыться от него будет некуда! Разве что — настоящую войну объявить? Так долго все равно не продержишься. Тут же начнут подвизываться взрослые, выяснять: что, да почему?

— Андроидов только трое. Остальные — так себе, черепахи. — Парень вроде бы и не замечал откровенно скучающей физиономии Алексея.

— А что такое черепахи? Сленг?

— Неодушевленные. Манипуляторы. Их можно послать куда-нибудь, и они уйдут. А андроида — не пошлешь. Если родители что-нибудь приказали ему — он в лепешку расшибется, но выполнит.

— Интересно! Это что же: неподчинение человеку? А как же законы робототехники?

— Все по закону. Есть такая хитрая штука — уровень доступа. У каждого человека — свой уровень доступа. А мы с тобой как самые бесправные: ничье указание отменить не можем.

— Надо же! — Алешку удивила сама постановка вопроса. Там, дома, у родителей был андроид, но с такими проблемами Алешка никогда не сталкивался, андроид повиновался любому его желанию. А в интернате — все воспитатели были людьми. Возможно, будь они андроидами — с ним таких неприятностей не произошло бы. Все-таки: обмануть андроида — ох, не простое дело!

— Так что, парниша, жизнь у тебя здесь будет не сладкой. Но мы постараемся ее приукрасить. — Дылда подмигнул ему со своей верхотуры. — Расписание у нас такое: сейчас обед, затем три часа занятий с андроидом. Это — отдай — не грехи. А вот потом будет свободное время. Встретимся, я тебе кое-что покажу. К тебе, конечно, приставят персонального андроида, но мы от него как-нибудь отвяжемся. В свободное время они не такие приставучие.

Тут раздалось:

— Мальчики! Обед.

— Ну, вот, видишь? Все по расписанию, — Юрок взглянул на тонкую пластинку часов, прикрепленную чуть повыше кисти левой руки. — Хороша штука? — спросил он, видя, как у Алешки разгорелись глаза. — Тебе сейчас такую же выдадут. Это и часы, и биостимулятор, и сторож, и средство связи, и, самое главное, индикатор твоего состояния в системе охраны. Наручный информатор. Сокращенно: наин. На всякий случай, если с тобой что-нибудь случится. По инструкции — обязательное устройство сопровождения любого человека и андроида.

— ...основным достижением специальной теории относительности, созданной в двадцатом веке гениальным Эйнштейном, явилась вытекающая из нее релятивистская механика. Точнее: формулировка зависимости массы объекта от скорости движения. А это положение явилось ключевым для проработки многих космологических проблем. Да, несмотря на кажущуюся простоту космологических моделей, предложенных еще современниками Эйнштейна, доказать или опровергнуть, хотя бы одну из них, до настоящего времени не удалось. Но попытки продолжают предприниматься. Совсем недавно Всемирный Совет по представлению Гогиашвили решил создать суперсинхротрон для ускорения протонов с целью достижения ими скоростей, отличающихся не более, чем на 0,01 процента от скорости света. Был подобран надлежащий участок космического пространства... — прикрепленный к нему андроид Вэлка бубнил и бубнил, проникновенно вгрызаясь в его сознание и укрепляясь там.

Алешку поразили его психофизические способности. Казалось бы, сегодня, при таком обилии неординарной информации ему, Алешке, должно было быть глубоко наплевать на все нерешенные космологические проблемы и он не должен воспринимать ничего из этой монотонной, лишь изредка прерываемой отступлениями, скучнейшей научной ерунды, совсем для него не интересной. Однако — нет. Алешка, буквально внутренностями, чувствовал, как вползает в него вся исходящая от андроида информация и оседает в нем, готовая в любую минуту к применению.

— ... на котором и была воспроизведена гигантская с расходящимся раструбом спираль, напоминающая существовавшее еще в двадцатом веке акустическое устройство — граммофон.

«Да когда же ты замолчишь, — внутренне содрогнулся Алешка. — Не хочу я тебя сегодня слушать. Нет у меня настроения — и все тут! Хоть тресни!»

Наперекор андроиду он пытался «думать мысль», как это было красиво сказано в одной старинной книжке. Мысль заключалась в том, что вот если бы Галя... На этом же мысль заканчивалась, ибо в сознании неожиданно выплывало какое-нибудь слово или образное выражение Вэлки, напрочь отбивавшее дальнейшее желание думать о чем-либо ином.

— Вы, Алексей, конечно же, понимаете, для чего потребовалась спираль с расходящимся раструбом. — Вэлко заговорщически посмотрел на Алексея, но Алексей внутренне напрягся и никак не отреагировал на это приглашение превратить урок по физике в разудалую игру. — Согласно выводам специальной теории относительности разогнанные до подсветовых скоростей протоны должны были каждый приобрести чудовищную массу и объем и разворотить ускоритель. Однако в реальности этого не произошло. Протоны пачками вылетали из ускорителя. Энергия одного протона достигала десятков миллионов гигаэлектронвольт, но никаких видимых проявлений гигантского увеличения массы и объема не наблюдалось.

— А почему? — Алешка даже ущипнул себя за ногу, проклиная неудержимый свой язык, но ему повезло: лимит времени занятий на сегодняшней день закончился.

— Завтра, уважаемый друг. — Вэлко с сожалением улыбнулся. — Завтра мы запишем уравнение в тензорной форме, из которого следует... Вообще-то, ничего из него не следует. Из него можно получить прямо противоположные решения. Точнее, решения, позволяющие сделать прямо противоположные выводы. А это, скорее всего, является доказательством противоречивости самой общей теории относительности. Но я рад, что хотя бы под конец лекций вы заинтересовались, несомненно, привлекательным сюжетом из области физики. На сегодня можете быть свободным. Только за пределы станции без сопровождения взрослых не выходите.

Вэлко вышел, а Алексей вдруг почувствовал какую-то опустошенность. Будто его одним махом лишили будущего: вот только что он

чем-то занимался, долго, мучительно, с неохотой, но все закончилось, и делать стало совершенно нечего.

Он пометался по комнате, сшибая ногами стулья, которые тут же исчезали, всасываясь в пол. Затем он назвал код, и ему прямо в руки выпрыгнул из стены пульт управления встроенной техникой. Он стер с тивипласта формулы, оставшиеся от прошедших занятий, и заказал меню мультфильмов. Выбрал наугад один из них. Он оказался чересчур детским с надоедливой дидактикой и совершенно без юмора. Выключил.

Походил еще. Заказал кресло, сел в него и нажал кнопку модификации стен. Перед ним открылся пейзаж — опушка березового леса — дополняемый медвяным запахом цветов, шорохом, шипением и стрекотанием насекомых, разухабистым посвистом невидимых птиц. И незаметно для себя он задумался.

Станция по своему устройству напоминала арканарскую крепость. Могучая крепостная стена окружала куполообразный корпус, размещенный в геометрическом центре занимаемой территории. Геометрическая симметрия построения исходила не из эстетических соображений. Территория станции при необходимости накрывалась мощным силовым полем. И, хотя энергоемкость такого метода защиты не позволяла использовать его более трех минут непрерывно, а, следовательно, только при приближении компактных энергоносителей и взрывчатых веществ, определяемых системой безопасности станции, все исследовательские станции на малоисследованных планетах оборудовались полевыми защитными устройствами. Отличие от арканарской крепости заключалось в одном: бытовые помещения были сконструированы в виде трехэтажной надстройки на участке стены.

Комплекс сооружений станции стоял на совершенно лысом пятачке на небольшом возвышении, со всех сторон окруженном лесом. Алешке очень хотелось спросить у кого-нибудь из старожилов: этот плешивый пятачок — естественная тонзура гористого участка или лес в этом месте искусственно вывели, чтобы построить станцию. Но идти специально спрашивать было лень, а другого случая пока не представилось.

До леса было совсем недалеко: метров сто. Но с этого расстояния он казался неприступным редутом, проникнуть в который будет нелегко. У Алешки разыгралось воображение, но он тут же остудил его. Что это за игра под наблюдением андроида? Будет постоянно скрипеть: это нельзя, это не делай. Скукота, а не жизнь. И снова — тоска от потери друзей и надвигающегося непонятного будущего, в котором как-то надо жить, но неизвестно как.

Он нажал кнопку на пульте, и стена снова стала непрозрачной. Это не решение, подумал он. Нужна помощь со стороны. Нужно, чтобы кто-то объяснил: что я здесь делаю, буду делать и зачем. Мать слишком далека. Ее эстетское мировосприятие... Она живет в искаженном мире. Может быть, поговорить с отцом? Внутренне он уже

давно простил ему ситуацию с переездом. Пожалуй, это лучший вариант. Без размазывания соплей и клятвенных обещаний. Поймет ли он, что вопрос заключается не в детских капризах. Он гораздо глубже. Вопрос заключается в неопределенности будущего человека! Он, как человек разумный, никак не вписывается в жизнь этого коллектива. Его мировоззрение не находит должного отклика. Да! Нужен срочный разговор с отцом.

Отец сидел перед компьютером, согнувшись в три погибели над клавиатурой. Это было для него характерно: он любил застыть в экзотических позах. И являлось однозначным критерием того, что он думает, и все остальное в этой жизни его не интересует.

Тем не менее, отец сразу же почувствовал его присутствие в комнате и радостно откликнулся:

— Рад тебя видеть! — его лицо расплылось в широкой открытой улыбке. — У меня создалась такая проблемка, что дух захватывает и куда бежать — не знаешь. Вот, что ты думаешь об иерархических структурах в биологии?

— Я... — зашелся Алешка, не зная даже, что говорить: ведь он пришел сюда с совершенно другим вопросом, и его мало интересуют в данный момент времени иерархические структуры.

— Конечно-конечно! Им миллион лет в обед.

Когда Дарвин строил систему естественного отбора — он уже тогда полагал в основе построения наличие иерархической системы. Человек — венец строения. Планка уровня развития каждый раз выставляется все выше и выше, а для достижения нужно все более широкое основание и поддерживающие «леса» в середине.

— Тебе здесь интересно? — спросил вдруг Алексей.

Что он хотел услышать: что отец скажет — нет!?. Неинтересно. Поедем назад. На Землю. К Гале?

— О! Да! — глаза отца заблестели, и весь он едва не начал светиться. — Я об этом и хочу рассказать. Это необычно, чрезвычайно трудно, но крайне интересно. Большинство биологических задач решается методами теории «случайных блужданий» при помощи марковских цепей. Есть такой раздел в теории вероятностей. Так вот, я составил матрицу переходных вероятностей и обнаружил: после конечного числа шагов система перейдет в замкнутое состояние и останется в нем навсегда. А это означает, что гарпия никак не может оказаться потолком того животного мира, который населяет сейчас Мелешко.

— Может быть, ты ошибся в расчетах? — выдал из себя Алешка, чтобы уж совсем не молчать.

— Да нет же! — сразу вскипятился отец. — Я все проверил и несколько раз. Остается только предположить, что развитие эволюции Мелешко идет сугубо нестандартным путем, что само по себе чрезвычайно интересно. До сих пор были известны только иерархические эволюционные ряды. А это...

— Ну, ты совсем уморил молодца! — начальник станции объявил-

ся в комнате совсем неожиданно и его густой рокочущий голос словно освободил Алешку от оков тотального биологического плена.

Алешка с благодарностью взглянул на него и даже его оттопыренные прозрачные уши на сей раз не вызвали ни малейшей неприязни.

— Я, пожалуй, пойду? — промямлил Алешка и, увидев, что внимание отца уже полностью переключилось на начальника, тихонечко улизнул из комнаты. За дверью он нос к носу столкнулся с Юрком. Создавалось впечатление, что они вдвоем с отцом загоняли Алексея в сети: один спровоцировал его выйти из комнаты, а второй поджидал в коридоре, чтобы он не проскочил еще куда-нибудь.

— Ты где пропадаешь? Я тебя уже полчаса ищу!

Юрок еще только задавал вопросы, а его огромная лапища уже обхватила Алешку, потискала-повертела и легко направила в нужном направлении.

Комната у Юрка была точь-в-точь такая, как у Алешки. Но, как выяснилось, только на первый взгляд: в наружной стене станции был сооружен виртуальный тайник, в котором он хранил самые ценные вещи, не подлежащие обозрению другими членами станции, особенно андроидами.

Юрок сделал все правильно. Он не стал вытаскивать из своих закромов все сразу: «На! Пользуйся!» Нет. Он закрыл вход в виртуальный чулан своим непропорциональным телом и выдавал раритеты поштучно.

— Ну, что, дон Румата Эсторский? — он сделал выпад вперед, и в его руках что-то неправдоподобно ярко блеснуло. — Сражемся?

— Ух ты! — непроизвольно вырвалось у Алешки. — А он настоящий?

— Настоящий арканарский! Подделок не держим! — Юрок гордо протянул меч вперед рукояткой и пока Алешка с восторгом любовался мечом, быстренько извлек из закромов еще один меч. — Так что?

Алешка увидел второй меч и даже взвизгнул от радости.

— Защищайтесь, сударь! — Юрок сделал выпад и мечи тонко звенькнули, соприкоснувшись сверкающими гранями.

— А, на! — Алешкин меч описал дугу и прошел в нескольких миллиметрах от лица партнера, буквально вжавшегося в стенку.

— Стоп! — Юрок поднял левую руку вверх. — Мы так друг друга поубиваем. Мечи-то самые настоящие.

Он быстро слазил в свой чуланчик и вытащил оттуда два фехтовальных костюма ярко алого цвета.

— Облачайтесь, сударь!

Они, торопясь, натянули костюмы и встали в стойку. Издалека казавшийся алым, костюм на самом деле был бесцветным. Участок костюма, в который наносился поражающий удар, темнел и визуально выделялся на алом фоне.

Они снова сошлись в поединке и несколько минут увлеченно сражались. Но их костюмы очень скоро покрылись темными пятнами, и ребятам это развлечение быстро надоело.

Все еще разгоряченные, они несколько минут махали руками и восторженно рассказывали друг другу, как наносили удар, как отбивались или уходили из-под удара, в том же движении нанося ответный.

Вслед за столь динамичной игрой на них нахлынула удушливая апатия и, если бы не предусмотрительный хозяин, то пришлось бы им разойтись по своим комнатам. Но Юрок сделал успокаивающе-предупреждающий жест: дескать, все еще впереди, главное — не отчаиваться. И вновь нырнул в свой чуланчик.

Когда Юрок вышел из чуланчика, в руках его, тускло отблескивая землистого цвета металлом, тяжело свешивался стволом вниз громадный лайттер. Алешка вообще потерял дар речи. Боевой лайттер — на обитаемой планете, внесенной в реестр обжитых?

— Эт-то тоже настоящий?

— А как бы ты думал? — горделиво усмехнулся со всей высоты своего роста Юрок. — Других не держим.

— А как же мы с ним будем... Ведь он... Эту стену — запросто? — у Алешки от возбуждения даже язык заплетался, и выдавал сущую несурязицу.

— А вот с зарядом у него плоховато вышло. — Юрок с жестом сожаления повел левой рукой, — Видно, из него специально зарядную батарею изъяли. Мне пришлось изрядно повозиться, прежде чем я приспособил сюда зарядную батарею от разведывательного дальномера, оставшегося от покорителей. Вот поэтому и мощность у него соответствующая. Но по мишеням пострелять хватает. Держи! — он сунул лайттер Алексею.

Алексей нежно взял громоздкое оружие и от одного касания к его шершавой поверхности пришел в необычный восторг. Он вскинул лайттер, прицелился в робота-черепаху во дворе станции и сымитировал выстрел.

— Э! Э! Э! — заволновался Юрок, не отрываясь, тем не менее, от компьютерной клавиатуры, — Хочешь, чтоб отобрали? Это они запросто.

— А как же мы... — осекся Алешка.

— Нужно замаскироваться! — менторским тоном изрек Юрок. — Заблокировать окна и двери, чтобы снаружи никто ничего не смог обнаружить. Потом немного дезориентировать систему безопасности, что я, собственно, и делаю. А то она быстро поднимет такой шум, что нас элементарно вычислят и расшифруют.

— А-а! — с уважением протянул Алешка.

Он даже и не подозревал, сколько трудностей приходится преодолевать при исполнении такого, в общем-то, невинного, желания. Наконец, внутренние постройки станции исчезли со стены и сменились изображением леса.

— Сейчас, мы сделаем мишень! — бормотал Юрок, быстро шлепая по клавиатуре всеми десятью пальцами.

Алешка с удивлением огляделся вокруг и ничего не заметил.

— Смотри внимательней! — Юрок протянул руку в сторону леса, изображенного на противоположной стене. — Вон на той ели.

Алешка вдруг осознал, что он не столько ищет изображение цели, сколько размышляет над странностью человеческого характера все очеловечивать, приземлять. Вот как в этом случае: назвать инопланетное дерево — елью.

— Куда ты смотришь? — Юрок грубо схватил его за плечи, развернул вполоборота и едва не толкнул вперед. — Вон она!

Теперь уже Алешка всерьез пытался сосредоточиться и разглядеть эту таинственную мишень, но неожиданно понял, что не представляет, какой она должна быть.

— Ты, что? Гарпию не видишь?

Гарпию Алешка видел отлично, вот только с мишенью она не ассоциировалась никак. Его даже оторопь взяла: ведь она же живая!

— Разве можно...

— Можно-можно! Это ведь изображение. Я там, кого хочешь, нарисую. Хочешь — тебя? И мы будем по тебе палить! — Юрок скорчил злобешую физиономию, но Алешке от этого смешно не стало.

— Ну, гляди! — Юрок выхватил у него лайттер и, небрежно вскинув, нажал спусковой крючок.

Большая птица на стене резко дернулась, а потом, будто потеряв сознание, грузно осела, завалилась набок и, кувыряясь, свалилась к подножию дерева.

На экране зажглась яркая надпись: «Цель поражена! Призовой фонд 100 очков».

После удара о землю птица на глазах стала трансформироваться: оперение на затылке начало топорщиться и наползать на лоб, крылья — сворачиваться в трубки и превращаться в темные поломанные палки, ноги — удлиняться и утолщаться. Когда все закончилось — перед деревом, раскинув тощие руки и ноги, лежала безобразная старуха, с носом-клювом и страшным морщинистым лицом. Причем с момента выстрела изображение как будто с помощью специального оптического прибора постепенно увеличивалось, так что последняя картина позволяла разглядывать лежащую старуху в натуральном измерении, будто на расстоянии двух метров.

— Хочешь посмотреть поближе? — спросил Юрок и, не дожидаясь ответа, задал увеличение.

Старуха будто бы прыгнула к ним навстречу, и теперь всю стену занимало отвратительное старушечье лицо в глубоких и мелких складках, словно проломленное в середине внутрь, с выступающим из этого провала хищным кривым носом, напоминающим по форме турецкий ятаган. Из-под черного капора змеями выбивались седые всклокоченные волосы. Маленькие глазки непроницаемо черного цвета недвижимо смотрели прямо на него. Алешку передернуло от этого взгляда, ему захотелось оторваться от него, куда-нибудь спрятаться, чтобы не видеть этих, казалось, буравящих его черных бусинок, но не мог отвести глаз в сторону и только медленно пятился в сторону от страшного изображения.

— Ну, как? Впечатляет? — голос Юрка глухо пробивался сквозь мысленную завесу, и только обратное изменение масштаба изображения позволило Алешке, наконец, понять, что у него спрашивают.

— Д-да! — выдавил, кивая, Алешка.

— Я же тебе говорил: птица эта — дрянь преотвратнейшая! Так что — не стесняйся. Твоя очередь, — Юрок протянул Алешке лайттер, — Стрелять умеешь?

— Да, — все еще находясь под впечатлением, ответил Алешка, — У нас на уроках истории был практикум.

Он обвел глазами изображение на стене и, высмотрев на деревьях, стоящих на дальнем плане леса, черный силуэт, тщательно прицелился и нажал курок. Лайттер, несмотря на свой вес и внушительные размеры, никак не отреагировал на такое воздействие, но очертания леса в том месте, куда он прицеливался, изменились: силуэт птицы пропал.

— Наверное, промазал! — несколько расстроенный, Алешка продолжал всматриваться в лес поверх лайттера. — А она испугалась и улетела.

— Это мы сейчас посмотрим, деловито сообщил Юрок, нажимая кнопки клавиатуры. — Да опусти пушку-то. Она тебе больше не понадобится.

Он увеличил масштаб и начал сканирование местности вокруг дерева, на котором сидела гарпия. Алешка подумал, что это бесполезное дело: никакой интратомограф не пробьется сквозь такую стену леса. Но на стене-экране появилось обособленно стоящее дерево, вокруг которого, правда, ничего похожего на гарпию не лежало.

— Слушай, Юрок! У вас неправдоподобный интратомограф!

— Да причем здесь интратомограф? Это же игра!

— Ах, да! Ты же говорил...

— Чего же мы тогда ищем? Если б попал, она бы тебе призовой фонд выкатила!

— Действительно! — прыснул со смеху Алешка.

— А тогда — извиняйте! Промашечка вышла. И теперь — моя очередь.

Чувствовалось, что Юрок в одиночестве хорошо натренировался. После серии из девяти выстрелов у него был только один промах, в то время как Алешка не попал ни разу.

Потом они произвели еще по две серии выстрелов, из которых Юрок имел десять и девять попаданий, а Алешка умудрился снова ни разу не попасть. Алешку это не то, чтобы очень расстроило, но играть ему расхотелось. Юрок заметил изменение в его настроении и начал долго и сбивчиво объяснять, что это дело случая, с ним такое тоже бывало. Один раз он не сумел сбить ни одной гарпии в десяти случаях подряд и, что они, хоть и рисованные, но живут своей жизнью и даже умеют маскироваться и иногда ему кажется, что это компьютер играет против него. Но Алешка сказал, что он устал и пошел к себе. Отдыхать.

До обеда включительно, день прошел среднестатистически. Было бодание с андроидом-учителем по вопросу теории исторических рядов. Алешка доказывал, что прошлое, как фактически происшедшее, является абсолютной истиной и познаваемо с вероятностью равной единице, то есть, при использовании правильно подобранных средств исследований, можно познать абсолютно достоверно любое событие из прошлого. Учитель же доказывал, что любое происшедшее событие имеет бесконечное множество адекватных трактовок, что следует из теоремы Пальме-Форрестела, и, познавая прошлое, мы просто конструируем событие, с некоторой вероятностью отражающее случившееся. В запале они, в конце концов, договорились до откровеннейшей чепухи: событие, произошедшее только что — уже недоказуемо, хотя оно произошло у них на глазах, и они с этого места никуда не уходили. Однако, доказать однозначно что-либо друг другу так и не смогли.

За обедом из взрослых присутствовала только мама, но она была настолько погружена в творческие замыслы, что ребята без помех договорились о походе в лес.

После обеда Алешка с индифферентным видом отправился к себе в комнату, извлек из многофункционального жилищного агрегата, а, проще говоря — из стены, компьютерную клавиатуру и сел решать четырехмерное дифференциальное уравнение второй степени Витковского. Решить он его, конечно же, не смог, так как управляющий всем хозяйством станции электронный мозг ничего не знал о таблицах сплайнирования проекций четырехмерных фигур на трехмерное пространство. А программы эти, как ему подсказал Юрок, были заложены в памяти бортового компьютера глайдера. Потому что папа Юрка, когда ему понадобились эти таблицы, специально заказал их с Земли, а, получив, списал с кристаллоносителя в бортовой компьютер глайдера и напрочь забыл о нем. Запасливый Юрок нашел кристаллоноситель во время одного из исследовательских посещений закровов станции и спрятал в чуланчике. А так как глайдер отбыл на некоторое время в научных целях, то вызванному Алешкой андроиду не оставалось ничего другого, как отправиться на поиски кладезя информации в виде кристаллоносителя.

Таким образом, в их распоряжении имелось минут пятнадцать-двадцать на проведение операции «Прорыв». Как расправился со своим андроидом Юрок, Алешка не знал, да и не хотел знать, находясь в предвкушении предстоящей вылазки в лес.

Как только его андроид отправился на поиски кристаллоносителя, Алешка тут же прошмыгнул в комнату к другу. Юрок приглашающе мотнул головой, продолжая что-то набирать на клавиатуре.

— Ты что делаешь? — спросил Алешка.

— Сейчас заэкранируемся, чтобы не засекали, — пробормотал Юрок, лихо щелкая пальцами по клавиатуре. — Оставим только маленькое окошечко.

Соотношение стен и окон в комнате изменилось, исчезли даже тивипласты. За исключением круглого размером с тарелку отверстия,

вся остальная площадь превратилась в равномерное матовое пространство, излучающее однотонный, чуть синеватый свет. В отверстиях, если к нему прильнуть глазом, просматривалась маковка центральной башни.

— Пошли, Юрок! Чего ты тянешь?

— Разбежался! А охрана?

Действительно. Как же охрана, подумал Алешка. Ее ведь так просто не обойдешь. Иначе — кому она такая нужна?

Пока он так размышлял, Юрок слазил в свой чуланчик и извлек оттуда лайттер. Затем положил конец ствола на край окошка, повозился, принаравливаясь, и выстрелил.

— Наин!

Алешка машинально содрал свой наин и передал Юрку, который уже снял свой и незамедлительно метнул оба наина в чуланчик.

— Бежим! — почти тут же крикнул он, на ходу нажимая кнопки на клавиатуре, бросая ее в комнате и увлекая за собой Алешку в приоткрывающуюся дверь.

Алешка страшно разозлился от такого обращения. Он крайне не любил, когда его куда-нибудь загоняли силой, особенно таким варварским способом. Он пытался вырваться, но все было бесполезным. Юрок двигался как десантный бот, неумолимо целенаправленно, цепко держа в одной руке лайттер, а в другой — кисть упирающегося Алешки.

Они спустились со ступенек во двор станции. Причем, Алешка, буквально скатился, едва не плача от злости. Во дворе, точнее, около центральной башни, наблюдалось хаотическое перемещение андроидов и роботов-манипуляторов. А если не считать этой необычной суеты, то все казалось обыденно привычным: ярко палящее солнце, голубое небо, оглушающе-звонящее стрекотание насекомых.

Но осмотреться толком не удалось: Юрок резко дернул его за руку, и они побежали прямо к монолитному, на первый взгляд, ограждению станции.

— Сезам, откройся! — гаркнул Юрок, и прямо перед ними неожиданно высветился проем. — Не спи! — снова гаркнул Юрок и на одном дыхании протасил Алешку через проем.

Все также ярко светило Миляшкино солнце, и голубело неправдоподобно яркое и однотонное небо, только стояли они уже за пределами станции, а проем в стене затянулся, будто его и вовсе не было.

— Быстрее в лес! — Юрок снова потащил Алешку за собой. — Пока мы в зоне досягаемости линейной системы оптического наблюдения — нас легко обнаружить.

— Но ведь он... — Алешка споткнулся обо что-то невидимое, прикусил язык и взвыл от боли. — Он... ведь... далеко...

— Ты же... сам мечтал... как в Арканаре. — Юрок тоже захлебывался воздухом, но хода не сбавлял. — Так вот... работай...

Вскоре в глазах стало неприятно темно, как будто на них надели очки с затеняющими светофильтрами, и еще недавно яркое голубое

небо превратилось в свинцово-сумрачное. А слепящее солнце только изредка пробивалось кинжальными лучами как бы, сообщая, что оно тут, на месте, никуда не пропало, а то, что оно не попадает в поле зрения его глаз, так тому иная причина.

Наверное, это потому, что у меня голова болтается, как маятник, подумал Алешка и удивился про себя, что он еще способен думать, выкладываясь физически без остатка.

Лес, долгое время маячивший где-то там, вдалеке, и, казалось, убегающий от них с той же скоростью, как-то вдруг очутился совсем рядом, вырос до невероятных размеров и накрыл их широченными округлыми лапищами. А жесткая трава, к счастью, не такая высокая как в степи, пытавшаяся на открытой местности связать или, хотя бы, спутать ноги, сменилась на мягкий стелющийся ковер, так и манивший к себе предвкушением неопишуемого отдыха.

Юрок по инерции протащил его вглубь леса метров на пятьдесят, а потом бросил, и Алешка, как отработавшая ракета, по крутой дуге пошел все чаще перебирать ногами, пока не завалился на бок у подножия очередного дерева. Трава не обманула ожиданий: была и достаточно густой и мягкой, и даже спружинила при падении, так что Алешка после приземления только развернулся на спину, раскинул руки, да так и остался лежать. Юрок вскоре тоже затормозил, рухнул на колени, а затем — лицом вперед и замер, зарывшись лицом в траву.

Некоторое время Алешка лежал без движения и только жадно вдыхал сладко пахнущий воздух. Вокруг взлетали и тут же падали вниз, исчезая в траве, какие-то насекомые, и было совершенно непонятно: зачем они это делали. Но думать об этом было лень. В конце концов, какая разница: по какой причине бесчисленное множество насекомых совершает эти свои вечные движения.

Алешка скосил глаза направо и посмотрел на то место, куда упал Юрок. Но не увидел его, а увидел только огромные ботинки, торчащие из-за небольшого бугорка. Всего остального видно не было: оно сползло вниз. Алешке это вдруг показалось крайне смешным. Смех зародился спонтанно и, как в самоподдерживающейся реакции, он сначала хихикнул, потом отрывисто хохотнул пару раз и сразу за этим захлебнулся в пароксизме смеха. Он схватился за живот двумя руками и, надрываясь в приступах смеха, перекатывался с одного бока на другой. Через некоторое время из-за бугра выполз Юрок. Настороженно, будто ожидая подвоха, посмотрел на Алешку и вдруг тоже захохотал, то забрасывая голову назад, отчего на шее выделялся огромный кадык, то роняя ее на руки.

Смеяться они перестали одновременно. Разом, как по команде. Но еще некоторое время валялись на траве, будто отдыхая после тяжелой работы. Потом Юрок скомандовал подъем, первым же вскочил на ноги, повесив лайттер на грудь, и Алешке не оставалось ничего другого, как подняться вслед за ним.

Неунывающее синее небо неожиданно быстро сменилось густым почти черным шатром конусообразно расположенных ветвей. Снизу

они не казались такими уж идеально ровными: ветки срастались между собой хаотично, поэтому в их сплошности встречались довольно-таки крупные просветы, нижние ряды веток были, в основном, мертвые. Но так как деревья стояли близко друг к другу, идти приходилось в темноте, лишь изредка поглядывая в просвечивающие сквозь кроны заплатки неба.

Продвигаться между деревьями оказалось невообразимо трудно: в темноте ноги то и дело попадали на сухие сучья, иногда больно врезавшиеся в основание стопы, а иногда — с силой выбрасывавшие с противоположного края отламывающийся кусок, попадающий в самое чувствительное место в районе щиколотки. Такая охота Алешке положительно не нравилась.

— Юрок, а Юрок? Может — ну ее, а? — заныл Алешка после того, как очередной толстый кусок сухой ветви неожиданно впился ему в голень, так что у него едва слезы не брызнули.

— Вот еще! — бросил Юрок, не останавливаясь. — Мне это слишком дорого стоит. Еще разок — и они точно вычислят: кто и что сделал. А там — лайттер отберут — и баста. Можно будет из палочки гарпий стрелять.

— Не все ли равно, — продолжал ныть Алешка. — Сам ведь говоришь, что они неуязвимые.

— Существует маленькая такая вероятность... Но нужно очень хорошо прицелиться. Собственно, в этом и состоит прелесть охоты. Иначе — это было бы простым убийством.

— А ты что? — Алешка даже остановился. — Всерьез думаешь убить?

— Ты еще сначала попади! — не останавливаясь, парировал Юрок. — А потом будешь рассуждать.

— Все одно! — продолжал Алешка. — Убивать живое существо — это противоестественно. Я уже не говорю о моральной стороне вопроса: память о содеянном разъедает психику личности. Даже нарушение гомеостаза вследствие противоестественной смерти...

— Тише! — неожиданно зло цикнул на него Юрок, и тут же широкая шершавая ладонь закрыла нижнюю часть лица Алешки. — Вон она!

Алешка поднял глаза вверх. Туда, где выделялся синевой единственный просматривающийся клочок неба, и увидел почти на самой верхушке ели нечто напоминающее большой черный мешок, закрепленный хитроумным шутником на самой верхотуре. «Мешок» сверкал, отражая солнечные лучи. Вокруг него в радиусе нескольких метров держался радужный ореол, и это было красиво. Алешка даже не смог сразу вспомнить пример из известных на Земле явлений. Радуга и полярное сияние — так они смотрятся на очень больших расстояниях. А здесь — та же радуга, но компактная, диаметром в несколько метров.

Внезапно радуга как бы съежилась в комочек до самого тела птицы, поблекла, а затем — мощным толчком выбросилась в разные стороны и засверкала еще ярче и краше. Алешка хотел было спросить, что

это означает, но острая, как боль от укола иглой, мысль пронзила сознание. Он посмотрел на Юрка. Юрок время от времени неистово жал на курок лайттера и в такт движениям его указательного пальца, лежащего на курке, ореол вокруг птицы, то вспыхивал, то пригасал. И тут, неожиданно для себя, Алешка испытал радостно-мстительное чувство. Он радовался тому, что птица остается неуязвимой под ударами лазерного ружья, пусть даже и с ослабленной батареей. И он отдавал себе отчет, что не просто радуется за птицу, а скорее радуется неудачам товарища.

— За мной! — прошипел Юрок и побежал куда-то влево.

Алешка рванулся за ним. Ноги разъезжались на сучках, его несколько раз бросало на стволы деревьев, и он только чудом успевал отклониться и не разбить в лепешку лицо. И пока он так яростно боролся с естественными препятствиями, ноги сами вынесли его на открытую поляну. Он настолько привык к тому, что в лесу над ним постоянно находится многоярусная крыша с изредка встречающимися просветами, что отказывался поверить увиденному. Однако солнце нещадно жгло глаза, волны запахов накатывались на задыхающегося от бега Алешку, дурманили и будоражили, а стрекот насекомых создавал бесподобное ощущение морского прибоя.

Когда Алешка справился с последствиями резкого перехода из полутьмы на открытую освещаемую солнцем поляну и обрел возможность различать окружающие предметы, то увидел рядом с собой Юрка, все также яростно жмущего на курок лайттера, выделяющееся из общего лесного массива дерево и сидящую на его верхушке гарпию. Только гарпия почему-то опять сидела спиной к ним, и все старания Юрка заканчивались красочной иллюминацией в виде колебаний цветного ореола вокруг нее.

— На, теперь твоя очередь!

Не осознавая, что он делает, Алешка взял лайттер в руки и очумело посмотрел на Юрка.

— Стреляй! Что ты его как картину держишь? — Юрок выжидающе смотрел на Алешку.

Первой мыслью Алексея было отказаться от лайттера, сослаться на то, что он плохо стреляет, или придумать что-либо еще. Но какое-то внутреннее чувство подавило эту мысль, и Алешка, сам того не желая, поднял тяжеленное оружие на уровень глаз и совместил прицельную планку и мушку на прямой, соединяющей его глаз с головой гарпии.

Он затаил дыхание, но почему-то на курок не нажал. Мушка забегала вокруг цели. Несколько раз создавался благоприятный момент для выстрела, но он не стрелял. И если бы его спросили, чего он ожидал во время паузы, то он бы не ответил.

Гарпия оглянулась. Будто почувствовала опасность. Алешке даже показалось, что голова ее наклонилась и маленький черный глаз укоризненно посмотрел на него. Оружие жгло руки. Он импульсивно оттолкнул его. В этот момент вокруг головы гарпии вспыхнул необычай-

но яркий ореол и тут же погас. Большая грузная птица кувыркнулась через бок и стала медленно приближаться к земле, переворачиваясь в воздухе и бессильно разбрасывая мощные черные крылья.

— Попал... — неуверенно, чуть ли не шепотом, произнес Юрок и тут же заорал во все горло. — Попал!

Юрок опрометью бросился к тому месту, куда упала гарпия. Алешка подошел к лежащему лайттеру, поднял его и медленно поплелся к Юрку.

Он шел нарочито медленно, стараясь как можно дальше оттянуть момент, когда ему придется посмотреть в глаза убитой им птицы. Поэтому и траекторию движения он выбрал такую, чтобы птица скрывалась за фигурой Юрка. Но как он ни старался спрятаться, перед ним открывались судорожно сжатые когтистые лапы, часть туловища и раскинутых крыльев и только голова оставалась скрытой спиной товарища.

— Глянь, какая безобразина! — не поворачиваясь, сказал Юрок. — Таких десятками убивать надо!

Алешка выглянул из-за его спины, как будто и в самом деле ему стало бы намного спокойней, взглянув на безобразину, и тут же отдернулся назад. «Этого не может быть», — подумал он.

В глазах защипало и ранее четкие линии окружающих предметов стали понемногу искажаться и расплываться. Он еще раз взглянул на лежащую птицу. Этого не может быть. Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Кисть руки медленно разжалась, и тяжелый лайттер тяжело скользнул в густую траву.

Об авторе

Бычков Владимир родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил Московский электротехнический институт связи. В настоящее время работает заместителем генерального директора по науке и производству ЗАО «СИМПЭК».

Неоднократно публиковался в научно-технических журналах.

Проживает в Подольске (Московская область).

Писать фантастические произведения начал в семидесятых годах прошлого века.

Однако первые публикации появились совсем недавно: в альманахе «Полдень, XXI век» № 2 за 2005 год опубликован рассказ «Фантомат», там же в № 5 за 2008 год – повесть «Оракул».